

Религия как проблема философии в трудах Г. Г. Шпета

Н. С. Артёмов

Вологодская духовная семинария

В статье осуществляется анализ взглядов на религиозную проблематику отечественного философа конца XIX – нач. XX вв. Г. Г. Шпета. Автором исследуется ряд ключевых работ Г. Г. Шпета по истории философии, феноменологии, герменевтике и этнической психологии. В фундаментальной неоконченной двухтомной монографии «Очерк развития русской философии» Г. Г. Шпет однозначно критически оценивает историческую роль христианства (византийского православия, в частности), а в статье «Душа скептика» определяет сущность религиозной установки человеческого сознания через понятие «благодатного скептицизма», из чего в настоящей статье делается вывод о неприятии Г. Г. Шпетом самого христианского богословия, что в свою очередь не означало отрицания некоторых его заслуг в области философии. Анализируя работу Г. Г. Шпета «Введение в этническую психологию», а также его фундаментальные труды по феноменологии и герменевтике, автор приходит к выводу, что в сфере феноменологического познания для Г. Г. Шпета во все не была чужда проблематика реальности религиозных переживаний. Наконец, в заключении автор утверждает, что явленная в работах Г. Г. Шпета антиномичность в вопросе понимания религии была чужда самому мировоззрению Г. Г. Шпета, ставшего в истории русской философии одним из самых значительных и противоречивых мыслителей.

Ключевые слова: Г. Г. Шпет, религиозная проблематика, христианство, феноменология, этническая психология, религиозное переживание.

Religion as a Philosophical Problem in the Works by Gustav Shpet

N. Artyomov

Vologda Theological Seminary

The article analyses the views of Gustav Shpet, the Russian philosopher of the late XIX – early XX centuries, on religious problems. The author studies a number of key works by Gustav Shpet on the history of philosophy, phenomenology, hermeneutics and ethnic psychology. In the fundamental unfinished two-volume monograph “A View on the History of Russian philosophy” G. G. Speth unambiguously criticises the historical role of Christianity (Byzantine Orthodoxy, in particular), and in the article

“The Skeptic and His Soul” he defines the essence of the religious attitude of human consciousness through the concept of “graceful skepticism”, from which the present article draws a conclusion about Gustav Shpet’s rejection of Christian theology as it is, which in turn does not mean denying some of his merits in the field of philosophy. Analysing Gustav Shpet’s work “Introduction to Ethnic Psychology”, as well as his fundamental works on phenomenology and hermeneutics, the author concludes that in the sphere of phenomenological cognition Gustav Shpet was far from being alien to the problem of the reality of religious experiences. Finally, in conclusion, the author argues that the antinomianism in the question of understanding religion, revealed in his works, was alien to the worldview of Gustav Shpet himself, who became one of the most significant and controversial thinkers in the history of Russian philosophy.

Keywords: Gustav Shpet, religious problems, Christianity, phenomenology, ethnic psychology, religious experience.

Введение

В настоящее время интерес к трудам отечественного философа Густава Густавовича Шпета значительно возрос¹. Конечно, это обусловлено в первую очередь «реабилитацией» мыслителя, расстрелянного в период жесточайших репрессий 1937 года. Сфера научных интересов Г. Г. Шпета была невероятно обширной. Мы могли бы назвать его универсальным исследователем гуманитарного направления, оставившим значительные труды по феноменологии, герменевтике и этнической психологии. Г. Г. Шпет, считавший феноменологию важнейшим направлением в философской мысли, был лично знаком с Эдмундом Гуссерлем и проходил стажировку у него в Геттингенском университете². Именно знакомство в гуссерлевской феноменологией определило специфику воззрений Г. Г. Шпета на философию в целом. Также Г. Г. Шпет уделял особое внимание герменевтике, хронологию развития которой он прослеживал, начиная с зарождения её в недрах христианского богословия и заканчивая секуляризацией и обособлением в самостоятельную теорию истолкования текстов. В целом, можно констатировать, что проблематика теории интерпретации и связанная с ней филологическая и философская проблема языка являются основными для мысли Г. Г. Шпета³.

Специалисты по изучению наследия Г. Г. Шпета продолжают открывать новое в его трудах, тем самым намечая некую «третью линию» в оценке всей совокупной истории русской философской мысли. Наименьшее внимание исследователей уделялось взглядам Г. Г. Шпета на религию в целом

¹ Тульчинский Г. Л. Г. Г. Шпет и междисциплинарность гуманитарных и социальных наук (прагмасемантический подход). Наследие №2 (21). 2022. С. 31–32.

² Штайн К. Э. Феноменологические послышки в филологии: Г. Г. Шпет // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах. Вып. 11. Ставрополь, 2013. С. 25.

³ Микешина Л. А. Густав Шпет и современная философия науки. М., 2006. С. 43.

и на христианство в частности, несмотря на многочисленные и весьма ценные замечания мыслителя по этой проблематике. Лишь в знаменитой программной статье Владимира Карловича Кантора «Густав Шпет как историк русской философии»¹ можно почерпнуть сведения относительно воззрений Г. Г. Шпета на христианство и на его роль в развитии как мировой, так и русской философско-богословской мысли. Однако работ, специально посвященных анализу этой стороны творческого наследия Г. Г. Шпета, до сих пор нет. Настоящая статья в этом смысле является первым и действительно уникальным опытом, в котором ставится одна цель: постараться максимально полно отразить взгляды Г. Г. Шпета на религиозную, в частности христианскую, проблематику.

Историческая перспектива

Взгляды Г. Г. Шпета на историческую роль христианства как в судьбе России, так и человечества в целом наиболее комплексно отражены в его фундаментальном труде «Очерк развития русской философии». Для Г. Г. Шпета эта двухтомная неоконченная работа по философии, по-видимому, должна была стать одной из важнейших, ведь именно в ней мыслитель смог наиболее полно высказаться о сложных исторических судьбах отечественной философской мысли, которая, как отмечает Г. Г. Шпет, «протекала в потемках общественного философского сознания»².

Для Г. Г. Шпета философия – это именно «чистое знание», главную проблему на пути к достижению которого он видел в «метафизической псевдофилософии»³. Непризнание метафизики, в свою очередь, не означало коренного уклона в материализм, поскольку и марксистскую парадигму мышления Г. Г. Шпет вовсе не считал адекватной представлению об истинной философии.

Углубляясь в причину того, почему же философского «Ренессанса в России просто по определению быть не могло»⁴, Г. Г. Шпет, наконец, пришел к заключению: именно христианство стало причиной «гибели» всякой рефлексии в России, а конкретно то византийское православие, которое, по его замечанию, в первую очередь отрезало русских от общечеловеческого античного наследия. Позволим себе привести пусть и весьма объемную, но крайне показательную выдержку из «Очерков...»: «Варварский Запад принял христианство на языке античном и сохранил его надолго. С самого начала его истории, благодаря знанию латинского языка <...> античная культура была открытою книгою для западного человека. Каждый для себя в минуты утомления новою христианскою культурою мог отдохнуть на твор-

¹ Кантор В. К. Густав Шпет как историк русской философии. М., 2006. С. 269–302.

² Шпет Г. Г. Очерк развития философии. I. М., 2008. С. 59.

³ Шпет Г. Г. Скептик и его душа. М., 2006. С. 369.

⁴ Кантор В. К. Густав Шпет как историк русской философии. С. 272.

честве античных предков и в минуты сомнения в ценности новой культуры мог спасти себя от отчаяния в ценности всей культуры, обратившись непосредственно к *внесомненному первоисточнику* (курсив наш). И когда настала пора всеобщего утомления, сомнения и разочарованности, всеобщее обращение к языческим предкам *возродило* Европу»¹.

Приведенный фрагмент, как представляется, наиболее точно и полно характеризует взгляды Г. Г. Шпета, во-первых, на то, что есть философское знание и где его истинные корни (разумеется, в древней Элладe), во-вторых, на сущность исторического процесса в целом. По Г. Г. Шпету, следовательно, всю историю мировой человеческой мысли условно можно поделить на 1) «золотой век», достигший своего пика в эпоху Античности; 2) пришедшее в лице христианской веры всеобщее «невегласие»; и последовавшее затем 3) Возрождение, после которого фонд древней языческой философии был вновь актуализирован и принят наиболее просвещенными людьми.

В России, в частности, для Г. Г. Шпета все проблемы, определившие специфику исторического развития отечественной мысли, уходили корнями в «фатальную роль»², которую сыграли в истории христианизации славянских земель Солунские братья – свв. Кирилл и Мефодий. Г. Г. Шпет, следовательно, фокусирует особое внимание на проблеме языка: русские были отрезаны от античного наследия именно потому, что в широкой массе не обладали необходимым инструментарием – знанием греческого языка, а усвоили христианство по «болгарско-македонскому» наречию-придатку.

Подобное утверждение критиковалось как излишне ригористическое, антиисторическое и попросту предвзятое ещё исследователями XX века. Так, отец Василий Зеньковский отмечает в качестве весомого и стилистического, и смыслового недостатка «Очерков...» именно неприятную манеру «резких, часто презрительных и всегда придирчивых характеристик»³, что так контрастирует с чисто философскими работами Г. Г. Шпета по герменевтике и феноменологии, где философу удавалось выдерживать необходимый уровень научной объективности. Обращаясь к истории отечественной мысли, Г. Г. Шпет не обнаружил в ней именно европейского понимания философии, где свои правила во все времена диктовал *ratio*, без которого философии для Г. Г. Шпета не существует. И потому, действительно, для шпетовских «антиметафизических выпадов основание лежит в презрении к христианству»⁴.

Однако это не мешает Г. Г. Шпету проявлять и достаточно объективный исследовательский подход к отдельным историческим выдающимся личностям, так или иначе связанным с развитием философской и богословской

¹ Шпет Г. Г. Очерк развития философии. I. С. 55.

² Там же.

³ Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 781.

⁴ Там же. С. 783.

мысли в России. Комплиментарно, хоть и не без иронических замечаний Г. Г. Шпет, к примеру, оценивает деятельность свт. Иннокентия (Борисова), замечая, что в период его ректорства Санкт-Петербургская духовная академия «стала на ноги; его роль аналогична в этом отношении роли митрополита Платона (Левшина) для Московской академии. Его лекции по основному богословию, или, как он сам называл “религиозистике”, проникнуты серьезным философским тоном и обнаруживают его весьма широкое и понимающее знакомство с философией, включая и современные ему учения»¹. Но далее Г. Г. Шпет указывает, что святитель позволял себе и «звукосочетания, смысл которых трудноуловим», а затем философ риторически восклицает: «Как совмещались с этим у него отличные суждения о Канте, Фихте, Шеллинге, Беме и т. д.?»². Данный пример может быть назван более чем показательным: всё, что в российской богословской мысли стремилось к тесному сопряжению с передовыми западными философскими течениями, казалось Г. Г. Шпету настоящими проблесками в засилии всеобщего «невегласия» православного богословия.

Душа скептика

Наиболее полно собственно философские взгляды Г. Г. Шпета на христианство и метафизическую проблематику явлены в статье «Скептик и его душа». Под скептицизмом Г. Г. Шпет понимает вовсе не «ἐποχή» (воздержание от суждения) в гуссерлианском смысле, когда субъект в ходе феноменологической редукции встает на позицию коренного сомнения, заключающегося в воздержании от суждения о предмете с целью усмотрения его истинной сущности³. Скептицизм – это целостная псевдо-философская («скептицизм – вне философии»⁴) установка, для которой характерно выстраивание ограничений для ratio и для рефлексивных способностей человека в целом, когда цель деятельности субъекта заключается не в *обладании* истиной, но в нескончаемом *поиске* её как реальной, но *непознаваемой* и в признании возможности на каждое суждение о ней привести равнозначное ему второе суждение, также имеющее право на существование. Это недоуменное положение, по Г. Г. Шпету, и приводит скептика к его собственному «ἐποχή» (воздержанию от суждения) и «ἀταραξία» (безмятежности).

Одной из форм скептического искажения адекватной философской установки является сама метафизика⁵, догматизм и складывающийся из сопо-

¹ Шпет Г. Г. Очерк развития философии. I. С. 215.

² Там же.

³ Шпет Г. Г. Явление и смысл. С. 97.

⁴ Шпет Г. Г. Скептик и его душа. С. 372.

⁵ Из расшифрованных Т. Г. Щедриной заметок Г. Г. Шпета о сути философии:

«Ложь Метафизики:

а, провозглашение идеального реальным, возможного сущим

аа, самое общее понятие о действительности, а не само понятие действительности

ложения двух этих предпосылок «скептицизм благодатный»¹, под которым Г. Г. Шпет и понимает собственно позицию *верующего ratio*. При этой «установке» для человеческого сознания возникает потребность в достижении абсолютного, которое как-либо персонифицируется, когда осуществляется «теистическая интерпретация абсолютного как личного Бога»², Который «всякую аксиому <...> может сделать недействительной»³, а все положения «человеческой мудрости оказываются благодаря откровению ложными»⁴.

Итак, мы обнаруживаем критику не просто исторической роли христианства, но самых оснований религии, вплоть до личностности Бога как определяющей характеристики христианского понимания Божественного. Но при всём этом Г. Г. Шпета вряд ли можно причислить к обыкновенным предвзятым критикам христианства марксистского толка. Напротив, он неоднократно отмечает и большие заслуги христианской мысли. Сам гуманистический пафос Г. Г. Шпета сближает его вовсе не со ставшей магистральной для советской философии и науки линией диалектического материализма, а с философами Возрождения, предпочетшими интеллектуализм Платона и Аристотеля сотериологической проблематике христианства.

Феноменология и этническая психология

Г. Г. Шпет, считая себя «правовернейшим последователем Гуссерля»⁵, тем не менее, после признания феноменологии «основной наукой» не увидел одной из центральных проблем процессов редукций, которые предлагал Эдмунд Гуссерль. Человеческое сознание всегда интенционально, то есть всегда обращено на что-либо⁶. В этой связи, по Э. Гуссерлю, одним из ключевых оказывается переживание Бога, причем абсолютное конкретное для немецкого философа, бывшего убежденным христианином-лютеранином. Весьма показательны слова Э. Гуссерля из одного письма: «Жизнь человека есть не что иное, как путь к Богу. Я пытаюсь осуществить эту цель без богословских доказательств, методов и предостережений, то есть достичь Бога без Бога <...> Понимаю, что такой подход мог бы быть опасным для меня самого, не будь я глубоко набожным и верующим во Христа человеком»⁷.

ββ, 2-я действительность

γγ, данное через загадочное

Результат β, Агностицизм и скептицизм, как последствия и схема Brentano!» См: Шпет Г. Что такое философия? 2021. С. 71.

¹ Шпет Г. Г. Скептик и его душа. С. 408.

² Там же.

³ Там же. С. 409.

⁴ Там же.

⁵ Зеньковский В. История русской философии. С. 781.

⁶ Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы. М., 2005. С. 85.

⁷ Цит. по: Кольцов А. В. Был ли Гуссерль верующим христианином? Новое исследование о религиозных обращениях в Вене начала XX века. 2018. С. 146–150.

То есть для Э. Гуссерля, в отличие от Г. Г. Шпета, проблематика реальности бытия Бога, выходящая за пределы человеческой субъективности, во все не была лишена смысла. Эту самую проблематику Г. Г. Шпет, разумеется, не мог игнорировать, а потому в работе «Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы» он отмечает, что в границах феноменологии, то есть именно «чистой философии», нацеленной на «подлинное бытие в истине»¹, нельзя делать исключение для опыта мистических переживаний: «для нас нет ни малейшего повода делать исключения для опыта мистического или откровенного, – как первичная данность, он есть прежде всего данность опытной интуиции, и притом с сенсуальным содержанием»².

Реальность религиозного опыта становится ещё более объективной, если речь идёт о «коллективном переживании»³. Феноменологическую проблематику Г. Г. Шпет, в отличие от Э. Гуссерля, не стал ограничивать конкретной человеческой субъективностью (в чем Э. Гуссерля справедливо критиковали и даже обвиняли в откровенном солипсизме), но вывел её на уровень объяснения общественных, интересубъективных процессов. Как отмечает Г. Г. Шпет, любое типическое коллективное переживание коренится в социальной природе человеческого существа: «Как бы индивидуально ни были люди различны, есть типически общее в их переживаниях как откликах на происходящее перед их глазами, умами, сердцем»⁴. И причем эти «отклики» становятся выражением отношения к «понятиям и идеям – *“идеальным предметам”*» (курсив наш. – Н. А.), – предстоящим индивиду и коллективу как, равным образом, *объективное, от них независящее* (курсив наш. – Н. А.), обстояние»⁵.

Сам Г. Г. Шпет, приводя примеры возможных коллективных переживаний, приводит в числе их и Бога⁶. Из этого мы можем сделать парадоксальный вывод, что в рамках собственно феноменологических исследований философ не просто не выступает в качестве последовательного критика христианства, но, по сути, через этническую психологию как частный случай разработки феноменологической проблематики переживаний и их интерпретации выводит объективное доказательство невозможности исключить религиозную проблематику из философского дискурса.

Заключение

Из проведенного нами анализа ряда работ Г. Г. Шпета обнаруживается ситуация объективного противоречия, которого, безусловно, в собственно

¹ Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы. С. 140.

² Там же. С. 175.

³ Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию. М., 2006. С. 478.

⁴ Там же. С. 477.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 494.

мировоззренческих взглядах философа не было. Нам не удалось найти ни одного упоминания об активном участии Г. Г. Шпета в жизни Церкви или проявлениях, хотя бы и внешних, религиозного чувства. Сам он принадлежал к лютеранскому исповеданию, а венчался по православному обряду¹. Г. Г. Шпет действительно был, скорее, «мыслителем “западнической” традиции в широком смысле этого слова»². В поле его научных и философских интересов в принципе не могло попасть комплексное изучение традиции восточного христианства именно потому, что, по сути, религией для Г. Г. Шпета была именно философия. По меткому замечанию отца Василия Зеньковского, Г. Г. Шпет придерживался «самодовольного, сектантского исповедания гуссерлианства»³.

И при всём этом нам представляется, что вклад, внесенный Г. Г. Шпетом в развитие многих философских и филологических направлений в отечественной мысли, не может быть забыт и исключен, в том числе и из современного научного теологического дискурса. Так, например, отдельные положения находок Г. Г. Шпета в теории интерпретации являются крайне ценными для формирования христианского подхода к осмыслению памятников мировой художественной (и не только) литературы, а многое из феноменологии поразительным образом коррелирует со святоотеческими богословскими взглядами⁴.

Литература

1. Артемов Н. С. «Достичь Бога без Бога»: религиозный опыт в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Возможность православной феноменологической редукции // Актуальные вопросы церковной науки. – 2023. – № 1. – С. 181–184.
2. Густав Шпет и Сибирь. – Томск: Изд. Томской писательской организации, 2018. – 160 с.
3. Зеньковский В. История русской философии. – М.: Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
4. Кантор В. К. Густав Шпет как историк русской философии // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 269–302.
5. Кольцов А. В. Был ли Гуссерль верующим христианином? Новое исследование о религиозных обращениях в Вене начала XX века // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2018. Вып. 75. – С. 146–150.

¹ Густав Шпет и Сибирь. Томск, 2018. С. 6.

² Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М., 2004. С. 238.

³ Зеньковский В. История русской философии. С. 783.

⁴ Артемов Н. С. «Достичь Бога без Бога»: религиозный опыт в феноменологии Эдмунда Гуссерля. Возможность православной феноменологической редукции. 2023. С. 183.

6. Микешина Л. А. Густав Шпет и современная философия науки // Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. – М.: Языки славянских культур, 2006. – С. 21–62.
7. Тульчинский Г. Л. Г. Г. Шпет и междисциплинарность гуманитарных и социальных наук (прагмасемантический подход) // Наследие. – 2022. – № 2(21). – С. 31–42.
8. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 417–500.
9. Шпет Г. Г. Очерк развития философии. I. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 592 с.
10. Шпет Г. Г. Скептик и его душа // Шпет Г. Г. *Philosophia Natalis*. Избранные психолого-педагогические труды. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. – С. 366–416.
11. Шпет Г. Г. Что такое философия? // Вопросы философии. – 2021. – № 9. – С. 68–74.
12. Шпет Г. Г. Явление и смысл. Феноменология как основная наука и её проблемы // Шпет Г. Г. Мысль и Слово. Избранные труды. – М., 2005. – С. 35–188.
13. Щедрина Т. Г. «Я пишу как эхо другого». Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. – М.: «ПрогрессТрадиция», 2004. – 416 с.